

Станислав С. Чернецкий

*Непридуманная
жизнь*

*Повесть, рассказы,
стихи*

Станислав Степанович Чернецкий
Непридуманная жизнь.
Повесть, рассказы, стихи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19053460

ISBN 9785447491079

Аннотация

Эта книга просто о жизни, как она есть. Я ничего не придумал, лишь увидел, услышал изложил. Как акын – «что вижу, то пою».

Содержание

О книге	5
Непридуманная жизнь моей мамы	7
Часть 1. Начало	8
Часть 2. Вечер первый	10
Часть 3. Вечер второй	21
Часть 4. Вечер третий	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Непридуманная жизнь
Повесть, рассказы, стихи
Станислав С. Чернецкий

© Станислав С. Чернецкий, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О книге

Здравствуйтесь, уважаемые читатели!

Книга родилась из повести о жизни моей мамы, ее фотография на обложке. Меня так поразила история ее жизни, что я, никогда ничего не писавший, кроме сочинений в школе, вдруг, сел и за неделю изложил ее рассказ. Именно изложил, как в школе писали изложения, почти ее словами. Было полное ощущение, что кто-то мне диктует, а я лишь переносю

это на бумагу.

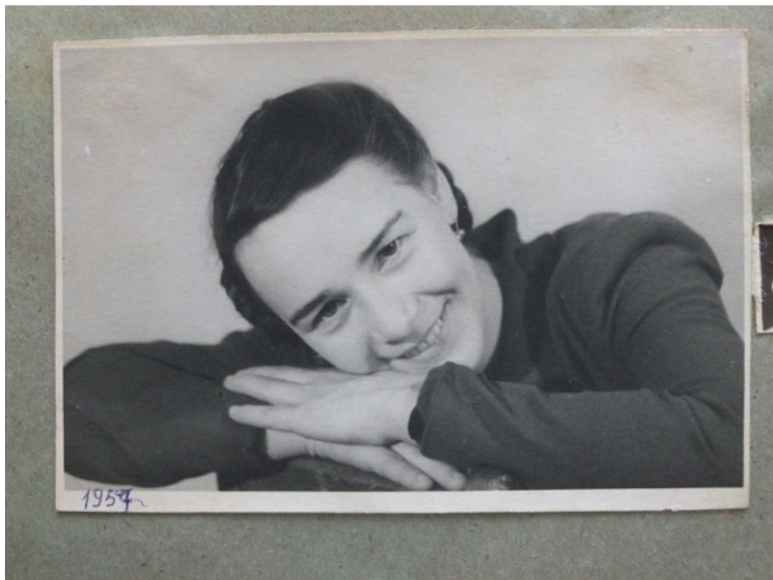
Потом муза, как-то, не ушла и появились рассказы. Все повествования из жизни, я ничего не придумал.

Желаю Вам пережить те же чувства, которые я пережил, когда писал.

С пожеланием Удачи и Благополучия

Станислав Чернецкий.

Непридуманная жизнь моей мамы (повесть)

Часть 1. Начало

«И все ж таки хороших людей больше, чем плохих, сыночка» – сказала моя мама, начиная рассказ про свою жизнь. Это я ее просил рассказать. За время ее рассказа мы вместе плакали, смеялись, злились, негодовали (ну это в основном я) – переживали всю ее жизнь вместе с самого начала, по крайней мере с того времени как она себя помнит.

Человек рождается для счастья, с этим он выходит из чрева матери в этот мир и сразу же получает порцию боли, насилия, непонимания его и его желаний. Насилие начинается с первых хлопков по попе, может и с благой целью, но..., с пеленаний, когда ни рукой ни ногой не пошевелить, с необходимости самому дышать, двигаться, думать.

Ах, как хорошо было у мамы в животике!

Но ты родился и с этим ничего не сделаешь, надо жить. Маленький человечек настроен на прекрасную жизнь. Вот чуть-чуть потерпеть, вырасти и жить, творить, продолжать род людской и процветать. Да не тут то было. Жизнь каждому достается своя.

Человек живет и надеется на лучшее, и эта вера и надежда помогает ему бороться и идти дальше и, возможно, побеждать. И еще люди, которые встречаются на его пути. Если они добрые, то может быть и твой кривой и трудный путь станет чуточку прямее и легче, и пройти его ты сможешь проще

и доступнее, и не попадешь в лузу, как шар от удара, а останешься на поле, может быть и не победителем, но на плаву, и не уронишь своего достоинства, и не сломают твою гордость и всю жизнь.

Мама мне рассказывала, а я поражался, сколько нужно было сил физических и душевных, чтобы жить и радоваться, что родился и живешь, хотя сейчас понимаешь, что нормальной жизнью это сложно назвать. Что помогало ей выживать? Наверное, то о чем уже сказано. да еще это – А куда деваться?. Да и жили так, наверное, сотни тысяч людей, поэтому и казалось, что так и должно быть.

Моя мама, Чернецкая Нина Пантелеевна, слава Богу, и сейчас жива, ей 80 лет (1930г.р.) и живет она сейчас в славном городке Саяногорске, недалеко от знаменитой Саяно-Шушенской ГЭС. Бодренькая старушенция, как она себя называет, независимый, самостоятельный человек. Все старается делать сама и в общем-то получается.

Я был у нее в гостях и рассказ ее длился 5 вечеров, переходящих в глубокую ночь. Попробую пересказать от ее имени, где-то вставлю свои ремарки (то, что в скобках мои пояснения).

Часть 2. Вечер первый

Родилась я в деревне Еловая. Красноярского края, что недалеко от Емельяново. Помню себя лет с четырех. Я третий ребенок в семье, мама – Мария Александровна Ростовцева (Потехина в девичестве), папа – Пантелей Гаврилович Ростовцев и два брата – Михаил и Валентин. Жили бедно, мама не работала, а папа работал грузчиком на железнодорожной станции, получал мало. Папка был не грамотный, нет – читать и расписываться он мог, но и все. Куда еще пойдешь работать, когда всю жизнь работал в семье, в хозяйстве да на поле и образования один класс церковно-приходской школы, А потом ни своего хозяйства, ни поля. Хорошо хоть домик маленький остался, там мы и жили. Мне было хорошо, как самая маленькая я спала на печке, а там тепло и уютно. Мама с папой на палатках, а мальчишки на полу мне завидовали. Но жили дружно, братья меня на улице защищали и не обожали. Мама всегда говорила: «Вы самые родные и близкие люди, мы с папкой помрем, а вы останетесь. Держитесь друг за друга, помогайте и жить вам будет лучше». (Так потом и моя мама говорила нам с сестрой).

Мама всю жизнь не работала. В 14 лет осталась сиротой с тремя младшими сестрами (Самым младшим было 3 и 2 года), но не отдала их в приют, как уж она исхитрялась не знаю, смогла, наверное, потому, что дядька, брат ее отца, помогал. Но вырастила и все живы остались, и замуж повыходили, и детей нарожали, и внуков вынянчили и прожили все

дольше ее. И потом, когда мама умерла, очень мне тетя Варя, мамина сестра помогла. А сама мама, поднимая троих, здоровье подорвала и все время у нее что-то болела, но она никогда не жаловалась, хотя видно было. Работает, работает по дому, а потом сядет да запечалится. «Мамочка, что с тобой? Тебе плохо?» «Да, нет, дочушка, Все хорошо. Подустала что-то. Сейчас пять минут посижу, да и дальше работать будем».

Все хозяйство в доме было на маме, ну это как всегда на женщине, ни какой работы не надо, так за день ухайдокаешься, что к вечеру только мужа да детей накормить. Всю работу делала сама, братья, конечно, помогали, но главной помощницей была я. Мама и дрова колола, а я в дом носила, печку топила за водой ходила и папке на станцию обеда носила. Вот не помню, был у нас огород, наверное, был – картошку где-то брали, вряд ли покупали, тогда почти все свою выращивали, значит и на огороде работала.

Работа у папки была тяжелющая. Хорошо, что здоровье от природы у него было хорошее, да силой Бог не обидел. Все в основном на своих плечах носили, подъемной техники не было. Все разгружали, но ничего взять нельзя – сразу тюрьма, да и нас всегда воспитывали, что не дай Бог чужое взять – лучше с голода помереть. Так что ни какого прибýtка, кроме зарплаты, да и какая у грузчика зарплата, не было. То есть, как говорится, жили на одну зарплату, только на папину.

Но как-то папка принес что-то в кармане: «На, дочка, как конфеты». Что такое конфеты и какие они вкусные я знала, рассказывали, но никогда не пробовала, да откуда, на что покупать, сахара в доме не было. Как тот заяц в мультфильме: «Я так люблю конфеты, но я их никогда не пробовал». А то, что он принес, было такое вкусное, сладкое, прямо во рту таяло и так вкусно пахло, вкуснее я в своей жизни ничего не пробовала. Так вот они какие – конфеты! Только много позже я узнала, что это было, папа рассказал. Разгружали они ящики с пряниками. Пряник, конечно, нельзя было брать, хоть ящики некоторые рассыпались. Зато обсыпку, которая рассыпалась, он собрал в карман и принес мне. Вот такие, первые в моей жизни, конфеты. Потом много конфет разных было, да и сейчас их люблю, но те никогда не забуду.

Папка был крутого нрава. Хозяин в доме и никто ему перечить не смел, да и попивал частенько, ну да с такой жизни. Маме иногда доставалось, чуть, что не так. А она поплачет и я вместе с ней, и дальше живем.

Вот так и жили, перебивались с хлеба на воду, но так во-круг почти все жили. Нищета и безысходность. А тут тетя Фиса, мамина младшая сестра прислала письмо. Они с мужем, как с полгода уехали в Забайкалье. Уже не помню, а может и не знала, каким образом они туда попали, может, кто пригласил. Муж тети Фисы работал на шахте и откуда-то знал и был в хороших отношениях с шахтным инженером. Вот они и написали, мол, Понтя (Пантелей Гаврилович) при-

езжай, инженер поможет устроить тебя на шахту – мужик то ты здоровый, любую работу сдюжишь. А, кроме того, тем кто работает на шахте жилье дают. Вот нам, пишут, домик дали с небольшим участком. Да и зарабатывать на шахте ты намного больше будешь, чем грузчиком. Папка воспрял духом, засобирался. Мама говорила: «Понтя, ну куда мы всем кагалом с ребятишками, в не знакомое место, да и возьмут ли тебя на шахту, там может своих пруд пруди?». Но тут уже спорить бесполезно было, а куда муж туда и жена. Стали собираться, вроде бы и что там собирать было, однако, набралось много. Ну да ничего, нас много – каждому по баулу, кому постарше – два. И по лету выехали в Забайкалье, поселок Доросун, железнодорожная станция Шилка.

Ехать несколько суток. Ребятишкам развлечение – никогда так далеко не выезжали. Да и надежда какая-то появилась – вдруг там все изменится в лучшую сторону? Вот в дороге чуть не случилось ЧП. Вернее случилось, но, слава Богу, хорошо закончилось.

Прямо как в кино. Послали меня на какой-то станции за водой. Давай быстро, а то поезд уйдет. А сколько он будет стоять никто и не знает. Ну, я бегом, и все быстро делала. Прибежала, а поезд отходит, уже ход набирает. Догнала я последний вагон, вспрыгнула на подножку, ну, слава Богу, успела. Давай стучать в дверь, чтобы впустили, а никто не открывает. Я стучу, кричу и никакого толка. Поезд уже набрал скорость. Вагон последний его мотает из сторо-

ны в сторону. Я уже и чайник бросила, обеими ручонками в поручень вцепилась чтоб не упасть. Страшно, ужас. Земля бежит, меня мотает, ветер дует, холодно и ничего сделать нельзя, даже не спрыгнешь – убьешься. А если не убьешься, то что я делать буду одна в тайге. И не понятно, что лучше – то ли ехать и совсем замерзнуть, то ли спрыгнуть и убиться, то ли не убиться, а по шпалам обратно к той станции идти. Ну прямо так тогда я, наверное, не думала, маленькая еще была. А сколько до следующей станции – может часы, а может сутки? Я держусь двумя руками, замерзла вся, реву. (Тут мама заплакала, да и у меня, слезы навернулись. Я говорю: «Мам! Ну что ты плачешь, это же давно было? Ведь все закончилось хорошо, раз ты мне рассказываешь». «Закончилось то хорошо. Но я как вспомнила, как мне страшно было. Как я как маленькая, замерзшая птичка на жердочке, того и гляди упаду. Так саму себя маленькую жалко стало – до слез!»). Успокоилась, чаю пошвыркала (ее слово), и дальше рассказывать стала. Я то не знаю как и когда это закончилось.) Не знаю, сколько времени я так ехала – время как будто растянулось, как надутый воздушный шарик. (Задумалась) Сыночка, ты знаешь, Бог есть. Увидел он меня – помиращую от страха и холода маленькую пичужку, да и решил помочь. Вдруг, земля медленнее побежала, ветер вроде стал не такой сильный, а никакой станции нет. Может просто притормозил на повороте?, ведь кругом тайга и что ему здесь останавливаться? Но поезд все медленнее и медленнее

нее. Я, думаю, что вот еще чуть-чуть медленнее, я соскочу и до другого вагона добегу, а поезд возьми, да и совсем остановись. Ух, я бежала!!! Но получалось очень медленно – ноги от сидячего положения на ветру затекли и бегут кое-как. Ну, до следующего вагона я добежала, поезд стоит. Я дальше и дальше, так и добежала до своего. Открыли. Мама как увидела меня, схватила в охапку и ревет белугой. Я вместе с ней реву, об нее греюсь. Сколько так сидели не помню. Поезд давно пошел и чего он останавливался я так и не знаю. А вагон то мне не открывали, потому что он почтовый был и никто в нем не ехал.

Ну, как говорится, с горем пополам доехали до ст. Шилка. До поселка Доросун, где жила т. Фиса, еще 5 км. Что делать, пошли потихоньку пешком со всем скарбом, тяжелоовато однако. А тут мужик на подводе катит. «Вы куда, лишенцы?» Папка рассказал куда, к кому, зачем. А он знает т. Фисину семью и сам предложил: «Ну, всех не возьму – груз есть, да и лошаденка дохлая – а бабу с дочкой и вещами, так довезу». «Вот спасибочки!..» Погрузили скарб в телегу, мы с мамой забрались и как королевны поехали, ну а мужики – пешедралом, так без вещей то и ничего.

Добрались и, на первое время у т. Фисы остановились. Домик хоть и маленький, но поместились все – и их семья и наша – в тесноте да не в обиде.

Начался новый период в жизни нашей семьи, и начался не плохо. Папку, и в самом деле, на работу на рудник в пос.

Байцетуй, в нескольких км от Доросуна, взяли. Руду они там что-ли добывали. И, самое удивительное, сразу, как папка устроился, полдома с участком дали. Вот радость-то. А то, конечно, у т. Фисы, в тесноте да не в обиде, но уж больно места мало – попами друг об друга бились. А в своем доме хорошо, да и огород можно обрабатывать, на зиму запасы.

Одно только, достали нас клопы. Что мы с мамой только ни делали: воду кипятили и все щели кипятком проливали, какую-то траву мама собирала и раскладывали по всем щелям и углам, какую-то жидкость доставали и проливали. Вроде стало поменьше, но совсем так и не избавились. Ну ничего – живем. Мама по дому я с ней, мальчишки в школу пошли, папка на руднике работает. Вроде как – жизнь налаживается. Место нам понравилось. Поселок – это не наша деревня, и по обширнее и народу по боле, повеселее. И подружки какие-то у меня и у братьев друзья, да и жить стали по лучше, папка больше, чем грузчиком получал.

Но опять работа у него была очень тяжелая. Работать поставили откатчиком – вагонетку из забоя выкатывать и разгружать. Вагонетка сама под тонну весит, а с рудой – не знаю сколько, но очень много. Вот папка со товарищи загружал ее рудой, выкатывал по рельсам из забоя и разгружал. Если никакой профессии нет и этому рад, да и семья устроена и кусок в доме есть.

Все вроде хорошо. 1936 год.

Но у русских долго хорошо не бывает. Если хорошо – жди

беда. Так не заставила себя долго ждать. Полгода или чуть больше папка проработал, как случилась беда. Откатывали тележку из забоя, а она сошла с рельсов, да еще и груженная. Вся работа встала. Забойщики не работают, руду некуда отгружать. Время идет, а норму, хоть обкакайся, но выполни. Вагонетка и пустая то тяжелая, а уж груженная вообще не подъемная. Это, значит, нужно ее прямо на месте схода на землю разгрузить, поставить на рельсы, снова загрузить и только тогда откатить. А время уйдет черт знает сколько. И решили они вагонетку приподнять и поставить на рельсы как есть – груженую. Ну, есть ум? Попытались. Да так, что у папки в спине что-то хрустнуло, была страшная боль, потерял сознание. Очнулся, а встать не может, и ноги не идут, отказали ноги. Так из забоя на носилках вынесли и в больницу увезли. В больнице говорят, что, наверное, ходить не будет, что-то серьезное с позвоночником.

Вот и закончилась хорошая жизнь.

Но папка мужик здоровый, да и куда деваться – семья на руках, как-то выкарабкался. Что уж там врачи делали, не знаю, может и природное здоровье помогло, но через месяц он пришел домой на своих ногах. Еще месяц был в санатории. И вроде окреп, нормально все, но на тяжелую работу больше нельзя, врачи не пускают. Сказали: «Скажи спасибо, что вообще ходишь! Что само по себе удивительно. А начнешь тяжело работать – ног лишишься». Ну, хоть сам живой, а то представляешь – мама с тремя детьми, да еще и четвер-

ным беременная.

Ну а какую работу найдешь на руднике не тяжелую, она вся для здоровых людей. Стал папка по поселку работу искать: где дрова поколет, где что починит, где еще что, но это ж не заработок, даже штаны по нормальному не поддержишь. Написал он сестре в Красноярск, так просто, как сообщение о жизни, ни на что не надеясь. Сестра отписала, что в Красноярске с работой тоже швах, но ее муж с мужиками какую-то артель организуют, чего-там хотят делать, может, и ты сгодишься, родная кровь, не пропадать же. Папка задумался. А на дворе зима, мама на восьмом месяце беременности, мне, вот в декабре, 7 исполнится. А парни уже подросли и – Миша, старший брат, пошел работать и в техникум на бухгалтера поступил, 15 ему было, уже самостоятельный, Валя, средний, пять классов закончил, 12 лет, поступил в ФЗУ, где его днем кормили, а потом общагу дали, он там жил. Тоже, наверное какие-то деньги получал, ведь они там не только учились, но и работали, значит проживет, да и старший брат рядом. Решили папка с мамой съездить в Красноярск, посмотреть, если получится, то и остаться, и меня с собой, конечно, куда ж девать. Так и поехали, пацанов в Доросуне оставили, а сами в Красноярск.

(Тут мама всполошилась: «Ой, сынуля, да уже 3 часа ночи. Ложись-ка спать, миленький мой. Совсем я тебя заговорила. Ложись, ложись. А я посудку помою, да тоже баиньки». «Мам, давай утром помоем?»). Возмущенно: «Да что же

она всю ночь киснуть будет. Я быстренько». «Ну, давай я, я по моложе». Иронично: «Ага. Это ты за тысячи километров летел, чтобы в три часа ночи посуду мыть». В приказном тоне: «Иди спать». Вся в деда, не повоюешь. Пошел спать. Завтра, вернее сегодня вечером, попрошу рассказывать дальше. Будет вечер – будет продолжение.)

Часть 3. Вечер второй

(Странный механизм – человеческая память. Очень избирательный. Я стал задумываться: почему я так мало помню из детства?, после того как моя жена, Алла, сказала, что очень хорошо помнит себя с двух лет. Да и мама про детство рассказывает, как будто вчера это было. Попытался я покопаться в черепушке, но кроме отдельных разрозненных эпизодов, ничего. Да и то что запомнилось, не соотносить с датой происшедшего. Почему? Совсем память никудышная? Помню был эпизод, который остался в моей памяти. Мама с папой работали посменно, а меня, чтобы был под присмотром, отдали в круглосуточный садик. Садик был далеко, за городом, почти в лесу и до дороги на город было 2 км. Помню, поили нас там рыбьим жиром, чтоб рахита не было. И такая это была гадость, что половину детей после приема рвало. До сих пор, как вспомню, рвотный позыв появляется. Мамы с папой и сестры нет рядом. Мне плохо было – жуть. И решил я сбежать. Подговорил друга, и мы сорвались. Но первый раз не получилось. На полдороги навстречу нам воспитательница попалась. Нас не увидела, мы в лес сиганули и, обратно быстрее ее в садик пришли. А второй раз убежали, и даже до города доехали. Но на выходе из автобуса, нас – двух шкетов – кондукторша задержала, все выяснила, ну мы маленькие, раскололись, вернее легенды не придумали, че-

го это мы в автобусе катаемся, и обратно на этом же автобусе в садик увезла. Зато меня и друга сразу из этого садика забрали родители. Вот почему это запомнилось? И другие эпизоды: или плохие, или очень хорошие запомнились, а в общем детство не помню. Да и не только детство. Уже и во взрослой жизни иногда вспоминаешь событие, а дату, когда было, не помнишь. Стал спрашивать у родных, друзей, знакомых: как у них? И для себя сделал такой вывод. Память у мужчин и женщин разная. У мужчин, в основном, разрозненная, зачастую не соотнесенная с датами и возрастом. У женщин более упорядоченная, разложенная по полочкам: какое платье во 2 группе детсада на праздник 8 марта, в 4 года было у нее, а какое у Дашки, помнит. Но общее для памяти всех людей одно. Когда человеку хорошо в жизни, он это плохо помнит или не помнит совсем. Да и правильно. Зачем помнить, когда хорошо. Так должно быть по жизни. Для этого человек рожден, это заложено в нем при рождении – чтобы было хорошо, это природа подразумевает само собой. А вот когда событие выбивается из этого «хорошо» в ту или другую сторону т.е. или очень хорошо или очень плохо, память это обязательно фиксирует. Фиксирует для того, чтобы человек мог сравнивать и понять: «Что такое хорошо, а что такое плохо».

Был второй день моего гостевания у мамы и, соответственно, второй вечер. Наконец, мы уселись на кухне, я с коньяком, мама с чаем. Ну, что там дальше?

Мама стала рассказывать, а я, как будто смотрел продолжение фильма: про то время, про ту жизнь, про ту семью, как будто это не моя мама, а просто кино показывают. И что с ними будет?)

Ну что. Приехали в Красноярск и остановились у маминной сестры т. Нюры (Анна). Хата на правом берегу Енисея, не большая. Своих детей 5 да мы трое. Опять в тесноте, да не в обиде. Ну всем не привыкать, проходили. А папина сестра жила на левом берегу. Пошли мы к ним в гости. До моста на другую сторону километра 3, а дом то вот он, напротив, через реку. Если через мост, то до моста 3 км, в обратную сторону по другому берегу, тоже, соответственно 3 км, и по мосту 1,5. Итого 7,5 км. Ни фига себе крючок. А Енисей уже встал, и народ через реку прет, и ничего. На улице метель, ветрюга с ног сбивает, но решили – надо идти. Кому надо? Зачем надо именно сегодня, а не завтра или через день в хорошую погоду? Пошли. Папа держит маму, мама меня, и потихоньку чапаем. До реки спустились, ничего, хоть ветер и сильный, но за деревьями идти можно. А как на реку вышли – никакого укрытия, а Енисей широкий, идти далеко. Лед скользкий, зараза, падаем, кое-как поднимаемся, маме на 9 месяце беременности совсем подниматься тяжело, но идем. В очередной раз падаем, мама выпускает мою руку, чтобы подняться. А я худенькая, легкая, как пушинка. Тут порыв ветра сильный и меня по льду понесло, и несет так быстро, как будто задница маслом смазана. Зацепить-

ся не за что, затормозить не могу, качусь на попе и спине, а остановиться не могу. И несет то прямо на полынью, того и гляди в Енисей плюхнусь, а оттуда уже точно не выбраться. Слава Богу, папка увидел, да рванул за мной. Как он на ногах устоял, не упал на скользком льду, да под лед не провалился, к полынье лед утончается, но догнал меня, наверное, как спринтер на короткую дистанцию бежал. Догнал, схватил, до полыньи не доехала. Вернулись к маме, а она сидит охает, сама то бежать не может.

Так ведь не вернулись, поперлись дальше и дошли. Замерзли как последние собаки. Поздоровались и сразу к печке. Мама передом, чтоб согреть живот, юбку подняла, чтоб тепло быстрее доходило. Ну и я, как обезьянка, тоже юбочку подняла и к печке, только не передом, а задом – попа сильно замерзла. Да, видать, движение не рассчитала – так и прислонилась попой к чугунной дверце, а дверца раскалена чуть не до красна. Кричи не кричи, а попу сильно обожгла. Мне ее и маслом и салом мазали, но нормально долго сидеть не могла.

Не помню, как там дальше было, но остались мы в Красноярске, да и куда – маме вот-вот рожать. Жили у т. Нюры. Родителям кровать выделили, а я вместе со всей ребятней на полу спала. Вскоре мама родила мальчика, назвали Виктор. А маме уже 37 было, но ребеночек здоровый, орет да писает и какает, ну, вообще, как все дети. Стало нас в хате на одну единицу больше. Ну да где шестеро детей, там

и седьмой поместится. Дело к весне и на улице по теплее стало. Детвора больше на улице, чем в доме, но туда сюда бегают, двери не закрываются. А Витька маленький, в пеленках. Не уследили. Видать описался он, мокрый был, и сквозняком его продуло, да так сильно, что воспаление легких, чуть не помер. Кое-как мама выходила, когда ребяенок задышался. Ночи не спала, но сумела – выходила, вылечила, хоть, наверное, свое здоровье еще подорвала, которого и так не сильно много. Тут и лето подоспело. А у папки с этой артелью что-то не заладилось, а может и у самой артели, только работать вроде негде, да и не жить же всю жизнь у т. Нюры, а другого места нет. В деревню Еловую возвращаться, так там и подавно делать нечего. Проблема. Нужно ехать назад в Забайкалье, там и знакомых побольше, а значит, возможно, и работы, да и пацаны там одни, хоть и большие уже, однако дети, которые для родителей в любом возрасте дети. Рота подъем, все в ружье – поехали в Доросун.

Там я и пошла в первый класс. Папа где-то работал, Миша и Валя подрабатывали и учились. мама в доме, Витька подрастает, так и дожили до 1941 года. Весной Мишу забрали в армию, ему почти 19 было, а летом война началась.

Папе уже 41 год был, но к концу года его тоже мобилизовали. Но на фронт не отправили, все ж таки возраст и спина больная, а отправили в армию на границу на Дальний восток. Остались мы вчетвером. Мама к тому времени болела, ноги у нее очень плохо ходили. Ввели карточки. А по кар-

точкам нам, как иждивенцам, по 150гр хлеба выделялось. Валу хоть в ФЗУ один раз кормили, ну а мы этим хлебом жили. Но в первую зиму еще запасы картошки были, так что мы ее во всяких разных видах ели. Ближе к весне 42 года Валька, ему почти 17 лет, приписал себе год и ушел на войну. Тут уж совсем плохо стало. Мама почти не ходит, только по хате кое-как, Витьке 4 года и я, 11 лет, самая старшая. Миша не пишет с войны, то ли убило, но похоронки нет, то ли без вести пропал, ни ответа, ни привета. Папка пишет, но письма долго идут и редко, но там хоть не война, но тоже, говорят, стреляют. Валя ушел. Есть нечего, кроме пайки хлеба. Я хлеб принесу, мы быстро с Витькой свое смолотим, да и что 150гр молотить. Мама оторвет чуть-чуть от своей пайки, остальное положит, а попозже мне дает: «Ешьте дочура с Витей». «Мама, тебе тоже нужно, ешь сама». «Да, че мне, доча, я все равно лежу. А вам расти надо. Ешьте». Мама уже практически не вставала, ноги начали пухнуть от голода, а тут еще холода. Зима подступает, хату нужно топить, а чем? Пошла я в ГорСовет, ходила по кабинетам, да кто там меня воспримет, соплюшку. Вышла, стою плачу, маму жалко и Витьку, да и себя – замерзнем же на совсем. Тут дядька какой-то подходит: «Ты чего плачешь так горько?». Я сквозь слезы рассказала, как могла, что папка и два брата на войне, мама не ходит, брат маленький, жрать нечего и замерзнем скоро напрочь. «Не плачь, пошли». «Да я там уже была, никто не слушает». «Пошли, пошли». Ходили по ка-

бинетам, он на кого-то орал, ругался. Потом говорит: «Все. Иди домой, если завтра дрова не привезут, приходи сюда и жди меня здесь, пока не дождешься». Я побежала домой, хоть не дрова, так надежда появилась. И ведь привезли дрова на следующий день, с самого утра, а я и не знаю, кого благодарить, кто этот дядька был. Дрова привезли, да они не колотые, ну это ерунда, уж как-нибудь я расковыряю, другое худо, они ж все сырые и, чтобы их разжечь, нужно что-то сухое запалить, – дрова подсохнут в пламени и сами разгорятся. А что сухое? Газет, где взять? Или лучину сухую на растопку, а где? Но голь на на выдумки хитра. Видела я, что в котельной для растопки колют с начала сухие дрова, а уж потом, когда разгорится бросают сырые. Стала я бегать во двор котельной да оставшиеся от расколки маленькие щепочки собирать. Наберу полную запазуху и домой топить, хорошо получалось. Дрова подсыхали и разгорались, только сначала дыма много было, а потом как разгорятся – хорошо, тепло. А хату от дыма мы проветривали. Но не долго это длилось. Стали меня со двора котельной прогонять – нельзя палочки собирать. Я говорю: «Дяденька, дрова сырые не разгораются, а мама не ходит и Витька маленький, позамерзаем». «Нельзя, мне за тебя попадет. Последний раз собирай и больше не приходи.» Набрала щепочек, иду грустная, как дальше то быть? И дрова есть, а не затопишь. Навстречу женщина: «Нина, ты что ли?» Я сначала глянула – вроде не знаю – тетенька беременная, а потом присмотрелась, а это жена ин-

женера, что папку на работу на рудник устраивал, т. Таня. Она давай спрашивать, что да как, а она маму хорошо знала. Я все рассказала: про папу, братьев, маму больную, дрова, про то, что есть мало, а сейчас и растапливать нечем будет. Она говорит: «Ну что, Нина, война! Ты не расстраивайся и не плачь. Завтра я тебе пришлю немного сухих, колотых дров на растопку, на некоторое время хватит. И вот еще что: ты же видишь, я беременна и мне тяжело наклоняться, если хочешь, то приходи ко мне – будешь полы мыть и в комнатах убирать, а я тебе чего поесть буду давать. У меня теперь муж начальник рудника, так что голодными не сидим, и вы подкормитесь, тем более, что он тебя знает, ты не чужой человек.» Прибежала я домой счастливая, маме все рассказала, что теперь может быть и поесть что будет. Мама говорит: «Давай, дочурка, хоть и тяжелая работа, но помогай ей на совесть, и вы с Витькой, может выживете.» На следующий день приехала подвода и мужик принес несколько мешков сухих колотых дров. Мы с Витькой их в доме сложили, чтоб не отсырели, да уж как радовались. Стала я ходить в Байцетуй, где инженер с инженершей жили. По дому помогала, полы мыла. У них свое хозяйство, так и свиньям воду да еду носила, иной раз и чистила свинарник. Вообще, работы много, да она в радость, ведь есть зарабатываю, поэтому все на совесть делала, старалась. Ну хозяйка довольна и я рада. Почти по целым дням там пропадала, а мама с Витей дома. Приду, что принесу они поедят и я с ними, но меня и там подкарм-

ливали.

Вот только с мамой совсем плохо стало. Я тебе уже говорила, что от Миши писем нет, папка пишет редко, а тут похоронка на Валью пришла. Погиб братик смертью храбрых. У мамы и произошел сдвиг в голове, все Мишу с Валею искала, разговаривала с ними, как будто они рядом. Но это иногда, а так тихонько лежала, все понимала и говорила здраво. А Витя маленький, как мама начинает заговариваться, он боится, да и маму жалко – плачет. Врач приходил и сказал, что нужно маму в больницу. Но ее не сразу забрали, чуть позже.

А как забрали, остались мы вдвоем. Что теперь делать? Витю одного маленького оставлять в доме страшно, вдруг что случится. Стала я его к маме в больницу утром отводить, а вечером забирать. Его там мама и подкормит от своей пайки, да и народу много лежит, все под приглядом, если маме плохо. Да долго так нельзя, чего ребенок целый день по больнице шастает, да и маме чаще стало плохо – лежит, бредит с папой и братьями разговаривает. Да и я еще не велика, около 12 лет. Раз мамы и папы нет должны были нас с Виткой в детдом отдать, раз за детьми смотреть некому. Тетя Таня говорит: «Давай, Нина, что-то решать будем», А что решить то я могу? Поговорила она с мужем, д. Пашей начальником рудника, и предложили они мне: «Ты, Нина, оставайся у нас жить. Девчонка ты хорошая, да и помощница нам нужна. Видишь, я скоро рожу, хлопот будет много с маленьким, поможешь. Будешь у нас жить, как наша дочка. А Витю

мы в садик круглосуточный определим, когда захочешь, сходишь к нему, да и кормить там его будут хорошо. Ты в школу пойдешь, учиться тебе надо. Я все это в письме твоей маме напишу, она почитает, вы посоветуетесь и все решите.» Так она и сделала. Пришла я вечером к маме, все ей рассказала, она письмо почитала, да и думать, много не стала. «Иди, дочка в дети. Там не пропадешь. Да и Витю сама в садик ты не устроишь, а тут, видишь, Паша похлопочет, ему, как начальнику, не откажут. А когда я выпишусь, кто знает. Ну, а ко мне приходиться будешь.» Да и что решать, выбор то не велик: или в детдом оба, или так – в дети и детский сад. Написала я все папе в письме. И, пошла жить в дети, а Витя в детсад. (Мама окунулась в память, задумалась, загрустила. Видать тяжелое решение – остаться одной без мамы, без родных. Всех жалко и себя то же.)

Стала жить у т. Тани, помогать, как могла, и с хозяйством, и с малышом. Хорошо ко мне относились, ничего не скажу, и ела что и они, хорошо. Т. Таня сшила мне два платьица хорошеньких, из своих старых. Дак я так была рада, никогда у меня не было по два платья, так пока ходила в одном, мама на руках другое шила, как порвется совсем, что уже не починишь, так новое одевала и опять пока не порвется совсем. Вот только в школу по зиме не пошла. Маленький родился, забот много, да и середина учебного года. В школу ходить я перестала, когда мы втроем остались, не до того было.

Вдруг приходит телеграмма – папка приезжает, с датой

приезда и номером эшелона. Еле дождалась я этого дня. На станцию летела быстрее ветра, пять километров пробежала – не заметила. Прискакала на станцию, бегаю между составами, спрашиваю – не приходил такой поезд? Никто не знает. Потом увидела дядьку в железнодорожной форме. Я к нему пристала. Пошел он куда-то, вернулся и говорит: «Есть такой эшелон, Но только где-то в пути его задержали. И когда будет, кто его знает. А кто у тебя там?». «Папа». «Ну, тогда жди. Обязательно будет». Ждала я до самой темноты. Но нет, не пришел. Так горько было. Обратный путь был такой длинный. Шла, шла, еле дошла. Поплакали мы с т. Таней: «Ничего, дочка, обязательно приедет, чуть позже».

(Мама замолчала. «Ну, так что, приехал?» «Ложись, сынок спать. Завтра расскажу».)

Часть 4. Вечер третий

Плохо я спала в эту ночь. Все думала: «Вдруг папка приехал, а я не дождалась». Пришло утро. Значит, не приехал, война все-таки. Занялась привычными делами по дому: там убрала, там подстирала, там подмела. Пошла дать поросят там воды. Вышла на крыльцо с ведром, смотрю, а у калитки папка с Витей стоят. Кинула я это ведро, да как брошусь к нему. Запрыгнула на шею, плачу, смеюсь и у него смотрю на щеке слезинка. Оказалось, эшелон его задержали на сутки, а увольнение ему дали только на двое. Были мы с ним целый день. К маме в больницу сходили, там поплакали от счастья, что свиделись, поговорили обо всем. Договорились, что пока мама в больнице, я остаюсь в детях, а Витю папа с собой забирает. Он там с начальством договорился, что Витя будет, вроде как сын полка. Папа к тому времени уже поваром в части был, так что Витька голодным не будет и с папой, чего еще надо? Вечером я их провожала. Папа сказал на станцию не ходить: «Что ты, дочка, пойдешь туда, потом потемну обратно топать. Мы с Витькой мужики взрослые, сами уедем». А взрослому мужику Витьке, пяти еще не было. Проводила я их. Хоть они и уехали, а на душе светло от встречи было. И надежда, что все хорошо будет с нами появилась, ведь папка живой и нас любит. А приехал он потому, что письмо мое получил. Он начальству его показал, оно и разрешило

увольнение, но только на двое суток – время то военное, вообще никого никуда не отпускали, а вот ему разрешили.

Потекла потихоньку жизнь дальше. Папка письма стал почаще писать. А вот маме становилось все хуже и хуже. И увезли ее в больницу в Читу. Далеко, туда не доехать. И осталась я одна, без мамы. Плохо, ну да куда деваться, жить надо. Время идет. В школу я пошла, в пятый класс, год то я пропустила. Учусь, живу, от мамы иногда письма получаю, были у нее минуты просветления, тогда и писала. А потом приходит сообщение, что мама умерла. Сидела я целый день за ящиком фанерным и плакала, никто меня не трогал, не успокаивал, понимали, что никак не успокоишь, да и не надо, надо поплакать. (Мама заплакала. Я подумал: «Ведь столько лет прошло, а рубцы на душе и сердце от таких бед не рассасываются. И, никогда, не пройдут – чтобы помнили и не забывали.»)

Теперь я понимаю, что мама извела свою душу заботой, тревогой о детях. Выела себя всю изнутри и не осталось ничего, что жить должно, вот и умерла, закончились душевные силы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.